

1214
49

ВОРОНЪ

ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Ѳ. Сумцова.

(Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, 1890, кн. 1).

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Марасвой.
1890.

A $\frac{219}{72}$

ВОРОНЪ

ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Ѡ. Сумцова.

(Изъ „Этнографическаго Обозрѣнiя“, 1890, кн. 1).

МОСКВА.

Типографiя Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Марасовой.
1890.

ВОРОНЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

По замѣчанію Л. З. Колмачевскаго, единственнымъ критеріемъ для правильной оцѣнки оригинальности и относительной древности животныхъ сказокъ можетъ служить только принципъ естественности (Колмач., Животн. эпосъ, 54). Къ сожалѣнію, эта вѣрная мысль рѣдко находила практическое примѣненіе въ научныхъ работахъ, посвященныхъ народнымъ повѣрьямъ и сказаніямъ о животныхъ. Мифологическія гипотезы въ этой отрасли знанія занимаютъ еще слишкомъ много мѣста. До сихъ поръ держится въ наукѣ мнѣніе, что большинство народныхъ повѣрій и сказаній о воронѣ относится къ облачнымъ мифамъ, мнѣніе, какъ мы думаемъ, совершенно несостоятельное при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, въ связи съ природными особенностями согасес и отчасти съ историко-литературными о нихъ данными. Не устраняя вполне мифологическаго толкованія, мы думаемъ, что къ нему подходятъ лишь немногія повѣрья и сказанія о воронѣ, и что большинство сказаній этого рода является результатомъ непосредственнаго наблюденія надъ природой и основывается на зоологическихъ свойствахъ птицъ рода *coraces*.

Извѣстно, что увлеченіе мифологической теоріей происхожденія народныхъ сказаній содѣйствовало появленію подложныхъ пѣсенъ и усиленію того ложнаго патріотизма, который ищетъ себѣ пища въ національномъ самовосхваленіи, повсюду усматриваетъ славянъ и надѣляетъ ихъ всеми премудростями и добродѣтелями. Псевдо-патріотическая спеку-

ляція коснулася и народно-пѣсеннаго матеріала о воронѣ;
мы разумѣемъ здѣсь слѣдующую пѣсню:

Въ дѣсѣ въ темномъ у Вислицы,
Среди бору на Кислицы
Есть заклятый сухой сукъ,
На томъ суку сидитъ крукъ:
Пане-круку, пане-круку,
Чорна бога старшій внуку!
Слеты зъ древа, черный крукъ,
Дай у душу ему стукъ,
Ладно ладо, дивно диво,
Не живи, моснана, криво!

(Памят. нар. твор. въ с.-з. краѣ 1866, 117—118).

Е. В. Барсовъ пользуется этой пѣсней въ Лексикологін „Слова о полку Игоревѣ“. Дивъ Слова, говоритъ г. Барсовъ, соотвѣтствуетъ Круку на его заклятомъ (?) сукѣ. Любопытно, продолжаетъ г. Барсовъ, что этотъ Крукъ называется здѣсь „старшимъ внукомъ Чернобога“ (Барсовъ, III, 174). Врядъ ли, однако, можно сомнѣваться въ поддѣльности всей пѣсни*), причемъ Крукъ такъ же мало заслуживаетъ серіознаго вниманія, какъ Вишну и Сива Словенской Вѣды Верковича, какъ Посвистачъ въ Думѣ-сказаніи о походѣ князя-язычника въ Зап. о юж. Руси Кулиша, I, 172. Существованіе Чернобога у русскихъ славянъ подлежитъ еще большому сомнѣнію. „Строго говоря, замѣчаетъ А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ „Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ“ (ССХLI т. Журн. Мин. Нар. Просв., 165), изъ всѣхъ боговъ русскихъ непоколебимо можетъ вынести критику только одинъ Перунъ“.

Вороны въ собственномъ смыслѣ (coraces) обитаютъ на всемъ земномъ шарѣ. Вблизи экватора число ихъ значительно увеличивается; они имѣютъ многочисленныхъ представителей въ умѣренныхъ странахъ, и только въ холодныхъ число

*) Кажется, первый сообщил се Стецкій. См. его Wolyń (Lwów, 1864), стр. 247 — 8, гдѣ приводится эта пѣсня (полнѣс) и другая о Чернобогѣ. Ред.

ихъ ограничено. Большая часть воронъ принадлежитъ къ числу осѣдлыхъ птицъ, и только немногіе виды отлетаютъ, впрочемъ, не очень далеко.

Существуетъ много разновидностей этой птицы. Наибольшимъ распространениемъ и извѣстностью пользуются обыкновенный или благородный воронъ (*corvus nobilis*), черныя и сѣрыя вороны (*corvus corone et C. cornix*), грачи (*frugilegus*) и галки (*monedula*). Различаются они главнымъ образомъ по величинѣ и лишь въ незначительной степени по крику, цвѣту перьевъ и характеру (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот. III, 361—380).

По соображеніямъ Пикте, воронъ былъ извѣстенъ праріійцамъ (*Pictet, Les orig. indoeurop. I, 473*); но различные виды вороньяго рода, повидимому, не были точно отличаемы, можетъ быть, потому, что житейской надобности не было для такого различія.

Для обозначенія птицы *corvus* въ славянскихъ языкахъ существуетъ нѣсколько названій: воронъ, ворона, гавранъ, крукъ. Слова *воронъ* и *гавранъ* считаютъ праславянскими, такъ какъ они встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ литов. и латт. нарѣчіяхъ словамъ этимъ отвѣчаютъ *varna, varns*. Слово *воронъ* Пикте сближаетъ съ санскрит. *vrana, vrana:sonare*. Миклошичъ же производитъ его отъ *vr*. Происхожденіе префикса *va* Микуцкій объясняетъ на основаніи аналогій съ рус. *кайма, канура, закоулокъ*, чеш. *гомоль* и т. п. Слово *крукъ* сближаютъ съ лит. *krauklys*, греч. *κραυός* и усматриваютъ въ немъ звукоподражательный *крк*, однородный съ корнемъ словъ: *каркать*, лат. *scocitare*, лит. *kraukti* (*Будиловичъ*, Первоб. Слав. § 100), нѣмец. *Krähe*.

Значительное число повѣрій и сказаній о воронѣ основывается на его зоологическихъ свойствахъ, крикѣ, цвѣтѣ перьевъ, выдающемся умѣ, хищности и воровствѣ.

Крикъ благороднаго ворона представляетъ сочетаніе звуковъ: „корк-корк, кольк-кольк, рабб-рабб“. Звуки эти бываютъ различной высоты и смѣшиваются такимъ образомъ, что приобрѣтаютъ нѣкоторое разнообразіе (*Бремъ*, III, 363).

Голосъ грачей есть хриплое „кра“ или „кroat“; во время летанія они часто издають высокій звукъ „гирр“ или „куэр“, а также „iak, iak“ (ib. 375). Голосъ галокъ также разнообразенъ: во время любви ясно слышится громкій „iek“ или „дьер“; по обыкновенный ея крикъ „крэй“ или „кріей“ (ib. 379). По временамъ голосъ этихъ птицъ принимаетъ особенную гибкость и разнообразіе. Грачи и галки легко перенимаютъ нѣкоторые тоны; галка можетъ подражать другимъ звукамъ, напр. пѣнію пѣтуха, и можетъ безъ особеннаго труда произносить слова, а воронъ выучивается даже говорить, вѣрно повторяетъ слова и употребляетъ ихъ со смысломъ; онъ лаетъ по собачьему, смѣется какъ человѣкъ, воркуетъ точно домашній голубъ (ib. 367).

Своеобразный крикъ воробны привлекъ издавна къ себѣ вниманіе народа. Въ музыкѣ африканскихъ негровъ обнаруживаются мотивы, заимствованные отъ вороньяго крика. Римлянамъ крикъ воронъ напоминалъ слово *cras* (завтра), и потому возникло у нихъ народно-этимологическое сказаніе о воронѣ, какъ медлителѣ, проникшее впоследствии и въ легенду о св. Аванасіи (*De-Gubern.*, 535). Иногда къ крику воронъ прилагается отдаленное въ звуковомъ отношеніи толкованіе. Такъ, поляки говорятъ, что когда ворона садится лѣтомъ въ полѣ подъ полу-копной, то говоритъ: „пани, пани“, а зимой на замерзшей землѣ кричитъ: „колачъ, колачъ“ (*Gustawicz*, въ *Zbiór wiadom. do antrop.* V, 180). Въ Малороссіи записано другое любопытное толкованіе вороньяго крика: „Ворона у літку, хочъ и що добре запопаде на спожитокъ, то все кричитъ: „гайно, гайно!“, а у зимку, якъ живытьця уже ничимъ, то вже хочъ и ничемне попаде, хочъ кизякъ мерзлый, усе кричить: „ха-арчъ, ха-арчъ!“, або „калачъ, калачъ!“ А сорока цехлить коло неї та все пытає: „чи кисле? чи кисле?“ (*Номисъ*, § 14028). Если кто усердно умывается, то иногда говорятъ: „ворона скаже: сыръ, сыръ — та и зъистъ“ (ib., § 11205). Крикъ ворона производитъ непріятное впечатлѣніе по сочетанію острыхъ рѣзущихъ звуковъ *кр*, что видно изъ пословицъ, напр.: „убрався мижъ вороны, и крякай, якъ вони“

(*Номисъ*, § 5880), изъ дѣтскихъ игръ въ ворона, о которыхъ далѣе, въ концѣ статьи. XXV глава Энхиридіона Эниктета трактуетъ уже о гаданіи по крику ворона. Въ славянскомъ переводѣ эта глава называется „о смущеніи въ сновидѣніи“ (*Барсовъ*, Слово о н. Иг. III, 174). Пиндаръ приписываетъ ворону 64 различныхъ крика. Истолкованіе крика у грековъ и римлянъ зависѣло отъ того мѣста, которое занимала птица по отношенію къ наблюдателю, а также отъ силы и повторенія крика (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. 109, 114). Крикъ вороны считался благопріятнымъ, если онъ раздавался слѣва, сзади, сверху, если криковъ нарное число, и зловѣщимъ, если раздавался справа, спереди, снизу, одинъ разъ, три раза или пять разъ. Такъ какъ ворона у древнихъ противопологалась другимъ птицамъ, то въ примѣненіи къ нимъ правила эти примѣнялись обратно (ib. 330).

Воронье граянье (полетъ съ крикомъ) съ древнѣйшихъ временъ въ Россіи считается недобрымъ знакомъ. Уже въ Словѣ о полку Игоревѣ недоброе значеніе имѣетъ сонъ в. к. Святослава, что „на болони у Пльнска бусови врани возграяху“. Въ Малороссіи существуетъ такое проклятіе: „щобъ на тебе вороны крикали“ (*Номисъ*, § 11120). Народное вѣрованіе въ зловѣщее граяніе ворона такъ велико, что есть даже заговоръ отъ вороньяго граянья (*Барсовъ*, Слово о н. Иг. III, 174).

Любопытно, что у галицкихъ русскихъ обнаруживается, между прочимъ, классическая подробность опредѣленія значенія крика ворона по мѣсту нахождения птицы: несчастіе ждетъ того, кто замѣтитъ отправляясь въ дорогу, что воронъ кричитъ, обернувшись къ нему клювомъ. Чтобы отстранить несчастіе, говорятъ, обращаясь къ ворону: „Тьфу! пекъ тоби, та осина! на головъ, на зубъ та на короткій вѣтъ закрачь собѣ!“ (*Лепкій*, въ „Зорѣ“ 1885, № 11).

Иногда въ Малороссіи слезываютъ при крикѣ ворона, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, когда боятся изуроченья или сглазу, на примѣръ при проклятіяхъ. Подобное обыкновеніе встрѣчается также въ другихъ странахъ. Въ Сициліи,

услышавъ проклятіе, также плюютъ (*Marrené, Wisla 1889, 819*). Основной смыслъ обычая, вѣроятно, сказывается въ желаніи выплюнуть демона.

Цвѣтъ вороновъ и воронъ такъ же своеобразенъ, какъ ихъ крикъ. Вороны отличаются чернымъ опереніемъ съ стальнымъ отливомъ. У *Corvus corax* только часть тѣла пепельно-сѣраго цвѣта; голова, глотка, крылья и хвостъ черные. Опереніе грача однообразно черное съ синимъ и фіолетовымъ отливами. У галки спина, темя, крылья и хвостъ вполнѣ черные; брюхо черновато-сѣрое и только затылокъ и шея свѣтло-сѣраго цвѣта. Вообще, весь вороній родъ отличается чернотой. Эта характерная особенность его отразилась въ поэзіи и письменности народовъ. Уже въ „Пѣснѣ пѣсней“ (V, 11) подчеркнута чернота ворона: „волосы... черны, яко вранъ“; въ Лаврентьевской лѣтописи „вранъ черный“; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „черный воронъ — поганый половчине“; въ малорусскомъ заговорѣ „видъ (отъ) крови“ — „летивъ черный воронъ изъ-за крутой горы“ (*Чубин. I, 68*); въ народныхъ пѣсняхъ, великорусскихъ и малорусскихъ, обычный эпитетъ ворона—черный, напр.: „налетала птица черный вранъ“ (*Рыбн. I, 200*).

Народная любознательность останавливалась на вопросѣ, почему воронъ такъ черенъ, и большею частію объясняла его черноту гнѣвомъ на него Бога. По древнему греческому сказанію вороны нѣкогда были бѣлы, черными сдѣлалъ ихъ Аполлонъ въ минуту гнѣва, за то, что воронъ принесъ ему неприятную вѣсть о невѣрности возлюбленной его, царевны Коровисъ (*De-Gubernat., Die Thiere, 533*). Малороссы и поляки черный цвѣтъ ворона объясняютъ тѣмъ, что Богъ такимъ цвѣтомъ наказалъ ворона за то, что онъ не воротился въ ковчегъ Ною (*Gustawicz, въ Zbiór wiadom. V, 141*). Въ Великороссіи сохранилось преданіе, что воронъ созданъ былъ бѣлымъ какъ снѣгъ и кроткимъ какъ голубь; выпущенный изъ ковчега, онъ накинудся на падалъ и не воротился къ Ною съ вѣстью объ окончаніи потопа: съ той поры онъ сдѣлался чернымъ и кровожаднымъ. Хорутанская

сказка сообщаетъ это преданіе въ такомъ видѣ: богатырь убилъ нечистаго духа вмѣстѣ съ его любовницею и разсѣченныя на мелкія части тѣла ихъ разметалъ по широкому полю. Прилетѣлъ воронъ и ворона и стали пожирать трупы; воронъ клевалъ одного нечистаго, и за то онъ весь черный, а ворона и бѣла и черна, такъ какъ она клевала и нечистаго и его любовницу. Сербы, рассказывая о какомъ нибудь чрезвычайномъ или сомнительномъ событіи, говорятъ: „не случилось это съ тѣхъ поръ, какъ почернѣлъ воронъ“ (Аван., Поэт. возвр. I, 527).

Сообразительность согаес также издревле обратила вниманіе народа и людей науки на вороній родъ. Воронъ — одна изъ самыхъ умныхъ птицъ; притомъ умъ его поразительнымъ образомъ изощряется отъ частыхъ сношеній съ человѣкомъ. Его можно выучить, точно собаку, бросаться на человѣка и животныхъ. Въ Швейцаріи онъ слѣдуетъ за охотниками, чтобы поживиться при случаѣ убитой козой. Нѣсколько разъ наблюдали, что старые вороны въ случаѣ постоянныхъ преслѣдованій бросаютъ пищу своимъ дѣтямъ сверху (Бремль, 364—366). Недавно въ *Revue Scientifique* приведенъ былъ любопытный случай, когда вороны, запертыя въ клѣткѣ, кормили остатками своей пищи слетавшихся къ нимъ свободныхъ вороновъ. Уже въ Рама-янѣ и въ Панчатантрѣ обнаруживается мнѣніе народа, что воронъ самая умная и хитрая птица, какъ лиса — самое умное и хитрое животное. Аристотель называетъ ворону подругой лисы (*De-Gubernat.*, 533). Плиній утверждаетъ, что „изъ всѣхъ птицъ, повидимому, одни только вороны понимаютъ смыслъ своихъ предсказаній (Буше-Леклеркъ, Изъ ист. культ. 110). Любопытно, что къ сравненію лисицы и вороны по сообразительности и хитрости прибѣгали также зоологи поваго времени. „Роль, которую играетъ между млекопитающими лисица, говоритъ графъ Водзицкій, выпала между птицами на долю ворона. Онъ обладаетъ въ высшей степени хитростью, выдержкою и осторожностью. Смотри по надобности, онъ охотится одинъ или беретъ себѣ помощ-

ника; воронъ знаетъ всякаго хищника и слѣдитъ за тѣмъ, который можетъ доставить ему поживу. Подобно лисицѣ онъ часто заглапываетъ остатки своего обѣда, чтобы не голодать въ случаѣ крайней нужды. Нажравшись, онъ призываетъ своихъ товарищей на остатки обѣда (*Бремъ*, III, 364).

Даже отдѣльныя проявленія сообразительности ворона отразились въ народной словесности. Бремъ замѣчаетъ, что воронъ ловко вытаскиваетъ рака отшельника изъ раковины и что онъ въ случаѣ, когда не можетъ разбить раковины, поднимается и бросаетъ ее на твердый предметъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что на такомъ наблюдении основана малорусская народная сказка „Ворона и ракъ“: ворона летѣла по-надъ моремъ, схватила рака и понесла его въ лѣсъ, чтобы усѣвшись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ воронѣ: „эге, вороно, вороно, знавъ я твоего батька и твою матирь — славни люди булы!“—Угу! отвѣтила ворона, не раскрывая рта.—„И бративъ и сестеръ твоихъ знавъ: що за добри люде!“.—Угу!—„Та вже хочъ воны и гарны люде, а тоби не ривня. Мини здаеця, що й на свити нема розумнѣйшого надъ тебе“.—Эге! крикнула ворона во весь ротъ и упустила рака въ море (*Аванас.*, Рус. нар. ск. I, § 37). Колмачевскій источникъ этой сказки указываетъ въ разсказѣ Панчатантры „Журавль и ракъ“, видоизмѣненномъ подъ вліяніемъ басни Эзопа о воронѣ и лисицѣ (*Колмач.*, Живот. эпось, 168). Малорусская сказка, какъ и предполагаемый ея индійскій оригиналъ, въ высшей степени просты, кратки, вѣрно отражаютъ опредѣленный зоологическій фактъ и, можно думать, возникли самостоятельно на Руси и въ Индіи подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства народа съ природою, въ частности, наблюденія надъ *coraces*.

На ряду съ различными сказаніями о сообразительности ворона существуютъ поговорки о *глупости* вороны, противорѣчація зоологическимъ даннымъ о выдающемся умѣ всѣхъ вообще *coraces*. Поговорки и сказки о глупости вороны основаны на литературныхъ памятникахъ, именно, на

древнихъ и новыхъ басняхъ, въ которыхъ характеръ птицъ и животныхъ иногда представленъ въ невѣрномъ видѣ съ цѣлью литературнаго воздѣйствія на читателя. Подобные рассказы встрѣчаются какъ на Западѣ, такъ и на отдаленномъ Востока. Въ одной монгольской сказкѣ лисица даетъ воронѣ четки ламы, съ такимъ предательскимъ совѣтомъ: „Лети на вершину дерева, надѣвъ четки на шею и читай: „мани“; ты будешь сыта“. Ворона послѣдовала этому совѣту, повѣсилась и удавилась (*Потанинъ*, Очерки, IV 552). Въ другой монгольской сказкѣ благодѣтельное божество Бурхынъ-Бакши даетъ воронѣ напитокъ вѣчной жизни, чтобы она вылила его на голову человѣка. Ворона прилетѣла на землю, сѣла на ель и ждала, когда пройдетъ внизу человѣкъ. Случилось, что въ то же время на ели сидѣлъ филинъ; онъ крикнулъ, ворона испугалась и пролила напитокъ; поэтому ель вѣчно зеленая; хвоя никогда не опадаетъ съ нея (ib. 210). Къ такимъ же баснямъ принадлежатъ въ Панчатантрѣ басня о фламингѣ и воронѣ (*Benfey*, 312—315), басня Эзопа о Лисицѣ и Воронѣ, приведенная выше малорусская сказка о Воронѣ и Ракѣ, басня Крылова, основанная на томъ же мотивѣ: лисица льститъ воронѣ, расхваливая ея красоту; ворона поддается лести, крикаетъ и выпускаетъ при этомъ изъ клюва сыръ. Басня Крылова „Ворона и Лисица“ содѣйствовала распространенію и укрѣпленію въ обществѣ мнѣнія о глупости вороны, такъ что къ человѣку съ ограниченными умственными способностями, чаще еще къ человѣку разсѣянному, стали прилагать названіе „ворона“, какъ бранное.

Наклонность къ воровству составляетъ характерное свойство всего вороньяго рода. Вороны и сороки въ особенности охотно крадутъ блестящіе предметы изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней. Если вѣрить различнымъ сказаніямъ и преданіямъ о воровствѣ сорокъ и воронъ, то много бѣдныхъ людей потеряли свободу и жизнь вслѣдствіе ложнаго подозрѣнія и несправедливаго суда (*Бремъ*, III 379, 392).

Народъ обратилъ вниманіе и на эту особенность вороньяго характера. Поляки говорятъ „kradną jak kruki“ (*Gustaw*,

въ Zbîdr wiadom. V, 142). Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что воронъ, собравъ много золота и серебра, золотитъ себѣ голову и хвостъ (ib. 141). Въ виду всего вышеизложеннаго мы не можемъ признать достовѣрнымъ слѣдующее мнѣніе Аенанасьева о мѣологическомъ значеніи вороньяго воровства въ сказкахъ: „Въ гнѣздѣ ворона незримо (?) хранятся золото, серебро и самоцвѣтные камни; онъ достаетъ и приноситъ живую и мертвую воду и золотыя яблоки, т. е., переводя метафизическія выраженія на общедоступный языкъ: воронъ, какъ громоносная птица, гнѣздится въ темныхъ тучахъ, закрывающихъ блестящія свѣтила, и проливаетъ изъ нихъ потоки всеоживляющаго дождя“ (Аван., Поэт. возр. I, 497).

Можетъ быть, чешское народное повѣріе, что вороны похищаютъ дѣтей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣологическихъ частныхъ, связывающихъ ворону со смертью, въ основной и существенной своей части представляютъ простое расширеніе дѣйствительнаго вороньяго свойства воровать предметы, расширеніе, особенно понятное въ устахъ дѣтей, которыя обыкновенно слышатъ отъ своихъ родителей относительно своего происхожденія, что ихъ принесла птица. На такое именно пониманіе указываютъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующія чешскія дѣтскія пѣсни:

- 1) Vrana leti, nema dĕti,
Mu je mame, ne prodame...
- 2) Vrana leti, nema dĕti.
Kde je maji?—V ěernem lese.
Co jim vaři?—Z jahod kaši.

(Потебня, О мѣич. знач. пѣкот. обряд. 98).

Характернымъ зоологическимъ фактомъ представляется, что вороновъ ненавидятъ и преслѣдуютъ всѣ ихъ родственники — вороны, сороки, грачи, галки. Въ то время, какъ черныя вороны живутъ дружно съ обыкновенными воронами, галки постоянно смѣшиваются съ грачами, при появленіи ворона онѣ бросаются на него, поднимаютъ большой шумъ

и заставляют его удалиться (*Бремъ*, III 362). Но эта подробность, повидимому, не обратила на себя вниманія народа, и въ памятникахъ народной словесности и литературы нѣтъ прямыхъ на нее указаній. Та же черта, что вороны, грачи и галки живутъ дружно, нашла мѣсто въ пословицѣ, что воронъ воронъ глазъ не выключаетъ.

Гораздо болѣе привлекла вниманіе народа *вражда ворона къ совѣ и къ соколу*. Когда филипъ или сова вылетаютъ днемъ, то вороны съ крикомъ и яростью нападаютъ на нихъ. Вражда ворона и совы составляетъ содержаніе многихъ разсказовъ въ Панчатантрѣ. Здѣсь вороны нападаютъ на совѣ и уничтожаютъ ихъ гнѣзда. Есть разсказъ о томъ, что сова бросилась ночью на спящихъ воронъ и умертвила ихъ. Черезъ Панчатантру мотивъ о враждѣ ворона и совы получилъ большое литературное распространеніе: вошелъ въ многочисленные переводы и передѣлки Панчатантры, арабскую передѣлку, переводы греческій, нѣмецкій, испанскій, въ *Trattati diversi* Дони, *Anvar-i-Suhaili*, *Libre des lumières*, *Cabinet des fées*, въ XI басню Вальдо, въ XXXV гл. *Conde Lucanor* (*Benfey*, *Pantsch.*, 334—338, 382, 383, 602).

Изъ древней повѣствовательной литературы мотивъ о враждѣ ворона съ совой проникъ въ апокрифическую и религиозно-повѣствовательную литературу, съ замѣной ворона соколомъ. Мотивъ этотъ въ христіанской литературѣ получилъ мистическое и символическое значеніе, согласно съ общимъ стремленіемъ древняго христіанскаго искусства и литературы къ символикѣ и мистицизму. Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ подъ соколомъ разумѣется уже Іисусъ Христосъ, а подъ злой совой—дьяволъ. Далѣе, въ той-же „Бесѣдѣ“ и затѣмъ въ построенныхъ на этомъ апокрифѣ стихахъ о Голубиной книгѣ подъ символическимъ образомъ сокола является Правда, а въ видѣ совы—Кривда (*Мочульскій*, о Голуб. кн. 201, 202).

Мотивъ о враждѣ ворона и сокола встрѣчается въ великорусскихъ пословицахъ (у *Сахарова* и *Даля*), малорусскихъ и сербскихъ народныхъ пѣсняхъ и поговоркахъ, по всей

вѣроятности, какъ результатъ непосредственнаго знакомства народа съ природой. Въ малорусской поговоркѣ „пишого сокола и вороны бьютъ“ (*Номисъ*, § 4080). Въ сербской народной пѣснѣ:

Садила Мара виноградъ
И бјелу лозу винову;
Навади јој се прап-гаврап
Озоба Мари виноградъ.
Марија брату поручи:
„Јоване, брату, рождени,
Пошли ми сивог сокола,
Да терам врана-гаврана...

(*Вукъ Карадж.*, Пјес. I, 213).

Воронъ составляетъ обыкновенное явленіе на всякой падали. Утверждаютъ, будто онъ чуетъ надалѣ на разстояніи нѣсколькихъ миль. На человѣческіе трупы воронъ садится такъ же охотно, какъ на труны другихъ млекопитающихъ. По свидѣтельству зоологовъ, воронъ выклевываетъ глаза человѣческимъ трупамъ (*Бремъ*, III, 365). Въ монгольскихъ сказкахъ воронъ ноставляется въ ближайшую связь съ трупами людей и животныхъ, при чемъ подчеркнута то обстоятельство, что онъ любитъ выклевывать въ трунахъ глаза. Въ одной сказкѣ старуха проситъ ворону остановиться и указать дорогу: „Есть когда мнѣ дорогу тебѣ показывать!“ отвѣчаетъ ворона. „Мнѣ надо искать скорѣе, гдѣ бы глаза выклевать“ (*Потанинъ*, Очерки IV, 595). Въ другой сказкѣ бѣдный человѣкъ, сидя подъ сосной, видитъ, какъ воронъ сѣлъ на дерево, держа глазъ въ клювъ (*ib.* 200). Въ одной монгольской сказкѣ воронъ приноситъ Ногонъ-дарихе пріятную вѣсть, что отъ нея родится сынъ, и за эту вѣсть Ногонъ-дарихе дала ворону способность видѣть за шестюдесятью рѣками кусокъ мяса величиной только съ большой палець, и летать, не боясь мороза, подъ небомъ выше облаковъ (*ib.* 297). Въ монгольской богатырской былинѣ про Иринъ-Сайна съ неба спустились тридцать три ворона, ис-

клевали тѣло Харъ-Хурмугчина и вновь поднялись на небо⁴ (ib. 451). Въ другомъ мѣстѣ два ворона являются, какъ послы Эрлика-хана (монгольскій Плутонъ).

Времь замѣчаетъ мимоходомъ, что въ библіи воронъ часто поставляется въ связь съ падалью—замѣчаніе ошибочное. Пересмотрѣвъ всѣ мѣста книгъ Ветхаго и Новаго завета, гдѣ говорится о воронѣ (кн. Быт. VІІІ, 3; 3 кн. Царст. XVІІ, 4, 6; Іова XXXVІІІ, 41; Псалт. XIV, 9; Еклез. XXX, 17; Пѣс. Пѣс. V, 11; Исаи XXXIV, 11; Софоніи II, 14; Левптѣ XI, 15; Ев. отъ Луки XII, 24) по указаніямъ *Concordantia Bibliorum* къ латинской Вульгатѣ, я не нашелъ въ отзывахъ священныхъ книгъ о воронѣ указаній на его любовь къ падали. Вообще воронъ упоминается въ библіи случайно, мимоходомъ. Въ Пѣсни Пѣсней воронъ берется для сравненія относительно черноты волосъ; у пророковъ Исаи и Софоніи онъ служитъ признакомъ запустѣнія страны. Въ исторіи народныхъ сказаній о воронѣ оставилъ слѣдъ лишь воронъ кн. Бытія, по извѣстности и всеобщей распространенности библейскихъ и апокрифическихъ сказаній о Ноѣ и о потопѣ.

Народъ и безъ литературныхъ указаній замѣтилъ, что орлы, вороны и волки любятъ питаться трупами, и это вѣрное наблюденіе нашло самый широкій доступъ въ народную словесность. Въ германской мѣологіи орлы, вороны и волки считались спутниками Одина и Валькирій. По свидѣтельству скандинавской саги XI в., какъ скоро раздавался на землѣ военный кличъ, Одинъ посылалъ своихъ бранныхъ дѣвъ, и онѣ, сопровождаемыя орлами и воронами, слѣзили на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ (*Аван.*, Поэт. возр. III, 365).

Въ великорусскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ вороны падки на падаля. Въ былинѣ „черные враны тѣло трынкають“ (*Рыбн.* III, 200); въ похоронной заплачкѣ „обжорные да чорны вороны разносили ихни косточки по темнымъ то лѣсамъ дремучимъ“ (*Барс.*, Причит. I, 268). Въ малорусскихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ часто выражается въ такой смягченной формѣ: воронъ говоритъ дѣвушкамъ: „твій

милый при могыли зъ Богомъ спочивае; ёму мій братъ чор-
песенькій головку сикае“ (*Чубинск. V, 243*). Въ сербскихъ
пѣсняхъ вороны приносятъ вѣсть о кровавой битвѣ:

Полетјеше два врана гаврана,
Савр' Цера изнад Чокашине;
Крвавије клюва до очију
И крвави ногу до колјена...

Своимъ карканьемъ они вызываютъ женщину и раска-
зываютъ ей о печальной судьбѣ ея мужа или сына. Въ ма-
лорусскихъ пѣсняхъ такую обязанность чаще исполняетъ
орелъ,—мотивъ весьма распространенный, проникшій въ ис-
кусственную малорусскую литературу (стихотвореніе Я. Н.
Щеголева „Орелъ“). Любопытно, что сходный мотивъ по-
вторяется въ шведской народной поэзіи, въ одной пѣснѣ:
„воронъ пролетѣлъ надъ крышей дома, онъ держалъ въ ког-
тяхъ кусокъ человѣческаго мяса, три капли крови упали
внизъ“ и пр. (*De Gubernat., Die Thiere, 535*).

Наклонностью воронъ къ падали, тѣмъ обстоятельствомъ,
что воронъ видятъ на всякомъ трупѣ, можетъ быть, обу-
словлено повѣрье, что воронъ предвѣщаетъ смерть и стоитъ
въ ближайшей связи съ душами умершихъ. Повѣрье это
встрѣчается у разныхъ народовъ, было въ древности, бы-
туетъ и нынѣ; оно проникло въ народныя сказанія и игры,
принявъ во многихъ случаяхъ мѣстическое значеніе.

У индусовъ воронъ считался воплощеніемъ душъ и вхо-
дилъ въ культъ мертвыхъ. Пища ворона была пищею умер-
шихъ. Въ Рамаиѣ Рама приказываетъ Ситѣ остатокъ
пищи выбрасывать воронамъ. Подобное обыкновеніе бытуетъ
въ Индіи и въ настоящее время: часть обѣда оставляютъ
для воронъ. Основной смыслъ обряда—поминки мертвыхъ,
жертвоприношеніе душамъ ихъ. Въ послѣдней книгѣ Рама-
яны, гдѣ говорится о бѣгствѣ боговъ отъ демоновъ, Индра
скрывается въ видѣ павлина, а Яма, богъ мертвыхъ—въ видѣ
ворона. Подобное обращеніе—только въ бѣлаго ворона—
въ греческой мѣологіи испытываетъ Аполлонъ во время

битвы съ великанами (*De Gubernat.*, 533). Въ одной кельтской пѣснѣ, какъ полагають XIII в., съ отгадываніемъ загадокъ въ числѣ 32 (отгадываетъ царевна), между прочимъ находится загадка: „что чернѣ ворона?“ и отвѣтъ на нее— „смерть“ (*Wisla* 1889, II 257).

Обычное въ древности представленіе души въ видѣ птицы (подроб. въ „Погреб. обр.“ *Котляревскаго*), выразившееся въ древне-христіанскомъ искусствѣ и литературѣ (*Martigny*, *Diction. des ant. chrét.* 542—545), сохранилось въ народѣ до настоящаго времени, причемъ въ видѣ вороновъ представляются души злыхъ людей. Въ Германіи говорятъ, что колдуны обращаются въ вороновъ, а вѣдьмы въ воронъ (*Аѳанас.*, *Поэт. возр.* III, 535, изъ Я. Гримма).

Въ русскихъ похоронныхъ причитаніяхъ смерть чернымъ ворономъ слетаетъ въ окошко (*Бѣреговъ*, I, 3). Оттого, по народнымъ повѣрьямъ, крикъ ворона надъ домомъ предвѣщаетъ смерть человѣка, быка или коровы (*Gustaw.*, въ *Zbiór wiadom.* V, 141, *Ленкій* въ „Зорѣ“ 1885, № 11).

Связь вороны со смертью подтверждается нѣмецкимъ обычаемъ ходить въ началѣ лѣта по домамъ съ мертвою вороною—образомъ, какъ полагаетъ Гриммъ, побѣжденной или умершей зимы (*Потебня*, О миѳ. знач. нѣкот. обр. 102).

Въ связи съ представленіемъ смерти въ видѣ ворона стоитъ игра въ ворона, отличающаяся среди другихъ дѣтскихъ игръ сложностью и разнообразіемъ. Она встрѣчается въ Россіи, Чехіи, въ Сербіи. Въ Малороссіи игра въ ворона принадлежитъ къ любимымъ играмъ сельской молодежи; въ ней участвуютъ парни и дѣвушки или однѣ дѣвушки. Мнѣ извѣстны слѣдующія описанія игры въ ворона: 1) *Сементовекаго* въ „Маякѣ“ 1843, XI. Матер. 13—15; 2) *Маркевича* въ сочин. „Обыч. и пов. малор.“ 71, весьма сходное съ предыдущимъ, перепечатано у Чубин. III, 73—74; 3) *Сахарова* „Сказанія рус. народа“, во 2 томѣ, подъ названіемъ „Коршунъ“; 4) *Терещенко* въ соч. „Бытъ рус. нар.“ IV, 96; 5) *Чубинскаго* въ Труд. Э.—Ст. Эксп. III, 75—77; 6) *Исаевича* въ Киев. Стар. 1887, VI—VII, 483—485; 7) *Потебни* въ соч. „О миѳич. знач. нѣк.“

обр. и пов.“ 99; 8) *Иванова* въ сборн. „Игры крест. дѣтей въ Купянск. у.“ *) § 67 (нѣсколько вариантовъ); 9) *Льс'а* въ журн. *Wisla* 1889 г. I, 61 и, повидимому, сюда относится еще 10) *Милчевича* въ „Живот срба селяка“, III, 39 (игра въ Полетуши).

Всѣ описанія игры въ ворона весьма сходны. Общее содержаніе игры состоитъ въ слѣдующемъ. Въ игрѣ участвуютъ воронъ, матка, дивчина (красная дѣвка) и дѣти. Матка, дивчина и дѣти становятся въ рядъ, другъ за другомъ, и идутъ къ ворону, который, сидя, роетъ палочкой землю. Между маткой и ворономъ разговоръ на тему: что онъ роетъ? (ямку, печку), для чего? (окропъ варить), съ какой цѣлью? (залить имъ очи „дѣтей“), за что? (за то, что они поѣли пищу ворона). Дѣти говорятъ, что они певинны. Мать оборачивается, чтобы сосчитать ихъ, а воронъ въ это время ловить дѣтей и т. д.; въ переговорахъ онъ переславливаетъ всѣхъ дѣтей, потомъ ловить и дивчину, которая затѣмъ нападаетъ на ворона, валять его на землю, турчатъ ему въ уши, иногда нападаютъ на матку и также турчатъ ей въ уши.

Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Харьковской губерніи игра въ ворона называется игрой въ коршуна, въ Чехіи—въ ястреба. Но подъ этимъ или сходнымъ названіемъ („шулякъ“) въ Малороссіи извѣстна особая игра—прогоняють коршуна отъ куръ (такая игра находится у г-жи *Мошинской* въ *Zbiąg wiadom. do antrop. krajow. V.*).

А. А. Потепля въ сочиненіи „О миѣич. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“ (стр. 99) обратилъ вниманіе на игру въ ворона и предложилъ объясненіе, какъ я думаю, вполне вѣрное. Общимъ мотивомъ во всѣхъ вариантахъ игры въ ворона является намѣреніе ворона залить дѣтямъ очи. Это заливаніе очей, по миѣнію г. Потепли, указываетъ что воронъ иносказательно выражаетъ смерть: ослѣпленные дѣти дѣлаются достояніемъ смерти. Г. Потепля указываетъ на слѣ-

*) Предназначено къ напечатанію во 2 т. Трудовъ Историко-Филологич. Общ. при Харьк. унверситетѣ. *Ред.*

дующій мотивъ (замѣчу—очень рѣдкій): кого matka успѣтъ разсмѣшить изъ дѣтей, пойманныхъ воропомъ, тотъ принадлежитъ ей, а которое не смѣется, то ворону. Отсутствие смѣха, по замѣчанію г. Потевни, есть признакъ пребыванія въ царствѣ смерти, на основаніи сходства смѣха со свѣтомъ и жизнью. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведено указаніе, что, по германскимъ повѣрьямъ, души, пребывающія у Гольды, не могутъ смѣяться. Добавимъ къ этимъ соображеніямъ г. Потевни, что самое копаніе ямки, можетъ быть, служить символическимъ выраженіемъ похоронъ. Копаніе ямки составляетъ основу игры и встрѣчается во всѣхъ ея вариантахъ.

Основное значеніе игры въ ворона открывається еще изъ слѣдующей италіанской игры этого рода: въ сѣверной Италіи дѣти поютъ слѣдующую пѣсенку, подражая въ концѣ крикомъ ворону: „Cornaia! porta'l sciaa; me ma' le morta (sut la porta)—Que!“ т. е. „Воронъ! принеси сито; моя мать умерла—ке!“ Сито играетъ здѣсь, вѣроятно, ту же роль, что вѣсы въ италіанскихъ (и русскихъ) народныхъ повѣрьяхъ: безгрѣшная душа проходитъ сквозь сито (*De Gubern.* 534).

Олицетвореніе смерти въ видѣ птицъ вообще, въ особенности ворона, нашло себѣ мѣсто и въ письменности, какъ древней классической, такъ и новой христіанской, въ сочиненіяхъ Горація (*mors atris circumvolat alis*), Ефрема Сиріна. Въ Палеехъ и Азбуковникахъ птица Харадръ понимаетъ, кто изъ больныхъ останется живъ и кто умретъ. „Аще будетъ ему (т. е. больному) умрѣти, отвратитъ отъ него очи своя Харадръ; аще быти ему живу, ино веселяся возлетитъ на аерь (воздухъ) противу солнца“. Это сказаніе встрѣчается въ фізіологахъ и бестиаріяхъ (*Ждановъ*, Къ литератур. ист. былев. поэзи, 217).

Повидимому, на дѣйствительномъ фактѣ основываются народныя повѣрья, что вороны крикомъ своимъ предвѣщаютъ вѣтеръ или бурю. Въ однихъ мѣстахъ думаютъ, что будетъ буря, если вороны летаютъ быстро и высоко (*Gustaw.*, *Zbiór wiadom.* V, 179); въ другихъ—если вороны летаютъ

низко (ib. 180); въ третьихъ—если летаютъ надъ водой (Чуб. I, 64); на дождливую погоду вороны садятся на деревья между вѣтками; на холодную и на морозъ садятся на верхушкѣ деревьевъ (Gust. 180). Вообще, по народнымъ повѣрьямъ, если птицы кружатся въ воздухѣ съ крикомъ, то зимой это знакъ мятели, а лѣтомъ — дождя (Аван., Поэт. возр. I, 510). Крестьяне Пудожскаго уѣзда Олонецк. губ. (водлозѣры), когда при ловлѣ рыбы нуждаются въ достаточной силѣ вѣтра, чтобы парусъ лодки былъ надутъ, то обращаются къ воронамъ съ такимъ заклинаніемъ:

Сивушки-бурушки,
Вѣщіе вороняюшки,
Пособите, дружки, помогите.
Какъ моего дѣдушку слухали,
Какъ моего батюшку слухали,
Послужите и мнѣ вѣрою—правдою,
Силою крѣпкою (Н. Харузинъ, въ „Собрн. свѣд. для
изуч. быта крест. нас. Рос.“ I, 360, 8⁰—131, 4⁰)*).

Въ сказкахъ обнаруживается даже отождѣвленіе ворона съ вѣтромъ, напр., въ русской сказкѣ: „Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ“ (Аванас., Нар. рус. ск. I § 49).

Повѣрья, что птицы крикомъ предвѣщаютъ или даже поднимаютъ бурю встрѣчается въ разныхъ странахъ. Въ сказаніи эскимосовъ Бафиновой земли о Сиднѣ птицы однажды возбудили на морѣ страшную бурю (Русск. Мысль, 1886, I, 104). Такого же рода повѣрьемъ вызваны запѣвы малорусскихъ думъ о бурѣ на Черномъ морѣ, напримѣръ:

Ей на Чорному морю,
На камени биленькимъ,
Тамъ сидитъ сокиль ясенькій,
Жалибненько квиле—проквиляе (плачетъ)
И на Чорнее море спильно (пристально) поглядае:
Що на Чорному морю щось недобре начинае,
Злосопротивна хвылечка (буря)
Хвыля вставае (Ант. и Драг., Ист. пѣс. I, 176).

*) См. также въ книгѣ В. Х.: „На сѣверѣ“. М. 1890.

Суевѣрныя сказанія о воронѣ распространялись не только устно, но и письменно. Они входили въ сборники суевѣрныхъ примѣтъ, такъ называемые Волховники, „еже есть се: храмъ трещить, ухозвонъ, воронограй, курокликъ, окомигъ“, и пр. Нѣкоторыя статьи Волховника переписывались отдѣльно и вошли въ индексы запрещенныхъ книгъ подъ своими частными названіями; таковы: Воронограй (примѣты и гаданія по крику вороновъ), Курогляшенникъ (по крику пѣтуховъ), Птичникъ или Птичьи чарове (по крику и полету птицъ вообще) и Трепетникъ (о дрожаніи различныхъ частей человѣческаго тѣла). (*Аванас.*, Поэт. воззр. III 607).

Кромѣ „Волховниковъ“ сказанія о воронѣ письменнымъ путемъ могли проникать черезъ физиологи. Въ древнѣйшихъ физиологахъ воронъ являлся символомъ вѣрности. Въ армянскомъ переводѣ, сдѣланномъ; какъ полагаютъ, въ IV или V в. по греческой рукописи, говорится, между прочимъ, что „есть родъ ворона, который похожъ на голубя; по смерти своей подруги, онъ не прикасается къ другой“. Позднѣйшіе греческіе тексты приписали это свойство горлицѣ, которая въ средневѣковыхъ передѣлкахъ физиолога совершенно вытѣснила ворона (*Мочульск.*, Происх. физиол. 59).

Болѣе важнымъ представляется еще то обстоятельство, что воронъ по своему неприятному крику, чернотѣ и хищности издревле уподобленъ былъ черту и вошелъ въ житія святыхъ, занялъ мѣсто въ житейныхъ сборникахъ Викентія Бове, Якова де Ворагине, Цезарія Гейстербахскаго, проникъ въ Патерики. Затѣмъ, воронъ вошелъ въ „Бесѣду трехъ святителей“, чрезвычайно распространенный въ старину памятникъ, оказавшій глубокое вліяніе на народную словесность.

Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“, изданной Вяземскимъ въ „Памят. древн. писъм.“ 1880, в. I, находится слѣдующее мѣсто: Вопросъ: Стоитъ древо безъ вѣтвія и безъ коренія, на немъ сидитъ вранъ; приде къ нему безъ ногъ, взя его безъ рукъ, зарѣза безъ ножа, съяде безъ рта и не бѣ ему въ сыгость. Отвѣтъ: древо—земля, вранъ—роса, взыде сола-

це и посуши землю и не бѣ ему въ сытость“. Въ спискѣ „Бесѣды“ В. И. Григоровича то-же самое значеніе нѣсколько измѣнено, именно, „врагъ безъ очей и безъ крыльевъ“. Г. Мочульскій въ сочиненіи о Голубиной книгѣ (стр. 224) ошибочно объясняетъ ворона „Бесѣды“: „сидящій на деревѣ воронъ получаетъ свѣтлое значеніе и есть самое солнце“. Нужно сказать наоборотъ, что воронъ здѣсь имѣетъ темное значеніе и есть противень, врагъ солнца. Смыслъ загадки въ „Бесѣдѣ“ получилъ не совсѣмъ правильное разъясненіе; дерево—дѣйствительно земля; но вранъ не роса—а ночь, и потому солнце зарѣзало его.

Замѣчательно, что воронъ безъ крылъ вошелъ въ русскіе народныя заговоры. Такъ, въ заговорѣ на остановленіе крови: „летитъ воронъ безъ крылъ, безъ ногъ, садится на рабу (имя рекъ), на главу и на плечо. Воронъ сидитъ посиживаетъ, рану потачиваетъ; ты, воронъ, не клюй“ и пр. Аванасьевъ замѣчаетъ, что „воронъ употреблено здѣсь, какъ метафора молніи, летящей безъ крылъ, безъ ногъ и точащей дождевую влагу изъ тучи“ (Аван., Поэт. воззр., I, 488); но, принимая во вниманіе сходство этого ворона съ ворономъ „Бесѣды“ и въ этомъ частномъ случаѣ, можно усомниться въ основательности миеологическаго толкованія. Не исключая возможности приложенія его къ многимъ другимъ повѣрьямъ и сказаніямъ о воронѣ, я въ данномъ случаѣ готовъ признать вліяніе „Бесѣды“, памятника, какъ я сказалъ, чрезвычайно распространеннаго въ старину и оставившаго въ народной словесности глубокіе слѣды.

На апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ основывается малорусская сказка „про Кука“, въ которой главную роль играетъ воронъ. Содержаніе сказки въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Нѣкогда жилъ царь птицъ (старшій птахъ) Кукъ. По желанію жены своей, онъ созвалъ всѣхъ птицъ, чтобы изъ костей ихъ сдѣлать себѣ гнѣзда. Воронъ опоздалъ на два дня. Онъ пересчитывалъ въ это время горы и долины. Считаая долиной всякое мѣсто, гдѣ стоитъ вода, воронъ насчиталъ болѣе долинъ. Птицы вре-

менно были отпущены Кукомъ на прокормъ. Воронъ опаздываетъ второй разъ, потому что считалъ сухія и зеленыя деревья, причемъ первыхъ насчиталъ болѣе, такъ какъ считалъ дерево сухимъ, если находилъ на немъ хотя одну сухую вѣточку. Снова птицы получаютъ отъ Кука временный отпускъ, и воронъ снова опаздываетъ, причемъ оказывается, что онъ считавъ мужчинъ и женщинъ, и насчиталъ болѣе женщинъ, такъ какъ каждаго мужчину, который подчиняется женѣ, считалъ за женщину. Птицы взбунтовались противъ Кука, за то, что онъ слишкомъ подчинился своей женѣ, и соколъ убилъ его (*Чубинск. II, § 34*). Весьма сходная сказка записана у киргизъ. Жена хана Сулеймана захотѣла имѣть дворецъ изъ птичьихъ костей. Всѣ птицы были собраны ханомъ; не явился байгусъ (сычъ). Ханъ велѣлъ ястребу привести его силой на ремнѣ, продернувъ его въ носъ. Байгусъ оправдывается тѣмъ, что считалъ, кого больше: мужчинъ или женщинъ, и нашелъ, что женщинъ больше, такъ какъ считалъ за женщинъ и тѣхъ мужчинъ, которые повинуются женщинамъ. Сулейманъ повялъ отвѣтъ байгуса и отпустилъ птицъ (*Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 367*). Въ другомъ киргизскомъ сказаніи о сычѣ апокрифическая основа выступаетъ еще яснѣе. Сказаніе это приурочено къ вечерней звѣздѣ, зурѣ. Зура была вѣдьма, которая хитростью женила на себѣ царя Соломона; первымъ ея дѣломъ послѣ бракосочетанія было потребовать кибитку, рѣшетки которой должны состоять изъ птичьихъ костей, а войлока изъ птичьяго пуха. Мудрая птица байгусъ научила Соломона, какъ избавиться отъ змѣи жены (*ib. 784*).

Повидимому, литературнымъ путемъ распространился слѣдующій разсказъ о Геркулесѣ:

Въ числѣ 12 работъ Геракла у Эврисфея была такая: при помощи мѣдной хлопущки онъ поднялъ птицъ на озерѣ Стимфалѣ въ Аркадіи, которыя имѣли мѣдныя когти, крылья, клювы и перья и стрѣляли ими, какъ стрѣлами. Гераклъ прогналъ ихъ (*Любкеръ, Реальн. слов. 469*). Это сказаніе въ измѣненномъ видѣ съ мѣстными италянскими приуроченіями

нашло въ послѣдствіи мѣсто въ христіанской литературѣ: въ хроникѣ св. Антонія говорится о вонючемъ и черномъ болотѣ въ Апуліи, изъ котораго по вечерамъ вылетаютъ души умершихъ въ видѣ чудовищныхъ птицъ, которыя летаютъ ночью, а раннимъ утромъ чудовищный воронъ загоняетъ ихъ въ болото (*De Gubern.*, 534). Можетъ быть, далекимъ отзвукомъ древняго греческаго сказанія о стимфальскихъ птицахъ являются чудовищныя птицы русскихъ заговоровъ, съ желѣзнымъ носомъ и мѣдными когтями (*Дюан.*, Поэт. возр. 501).

Нерасположеніе галицкихъ русскихъ къ ворону, основывается, между прочимъ, на слѣдующемъ апокрифическомъ мотивѣ: ворона хотѣла пить кровь, которая капала изъ ранъ распятаго Спасителя, за что Богъ проклялъ ее, и часть ея клюва по краямъ на вѣки получила кровавый цвѣтъ (*Лепкій*, „Зоря“ 1885, № 11).

Можно думать, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о воронѣ произошло смѣшеніе и перенесеніе мотивовъ, причемъ къ ворону отнесено то, что къ нему прежде не относилось и не идетъ къ его природѣ.

Въ великорусскихъ былинахъ „охотничекъ“ Суровецъ выѣхалъ на охоту и долгое время ѣздилъ, не находя добычи, пока не наѣхалъ на дубъ, на которомъ сидѣлъ воронъ. Онъ собирается стрѣлять въ него, а воронъ вѣщаетъ, пусть не стрѣляетъ; эта добыча не по немъ, а есть лучшая: тамъ въ чистомъ полѣ, въ зеленыхъ лугахъ переправляется черезъ рѣку съ своею ратью татарскій царь Курганъ... Акад. А. Н. Веселовскій въ минусинскомъ изводѣ быliny объ охотничкѣ Суровцѣ обратилъ вниманіе на фантастическое описаніе ворона (и дерева) и при этомъ случаѣ вспоминаетъ о разукрашенномъ воронѣ въ нѣмецкой поэмѣ объ Освальдѣ, сходныя черты соловья въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ и фантастическаго сокола болгарской народной пѣсни, съ серебрянными ногами, съ позолоченными крыльями, съ мелкимъ бисеромъ на шеѣ, съ бѣлымъ цвѣткомъ на головѣ (*Веселов.*, въ *Arch. f. slav. Philol.* III, 510—573, и въ XXXII т. Сборн. Акад. Наукъ, 289).

Мотивъ: богатырь встрѣчаетъ ворона на дубу, намѣревается застрѣлить его, но воронъ указываетъ ему на другую подходящую цѣль, — встрѣчается въ былинахъ довольно часто, напр., въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ (*Рыбн.* I, 274), съ небольшимъ измѣненіемъ въ былинѣ объ Иванѣ Годичовичѣ (ib. 200). Въ малорусскихъ колядкахъ мотивъ этотъ прилагается обыкновенно къ оленю: молодець хочетъ застрѣлить оленя, но олень обѣщаетъ „стать въ пригодѣ“, прійти на свадьбу (*Потебня*, Объяс. малорос. пѣс. II, 321—329). Сходный мотивъ также въ приложеніи къ оленю (сурплена зльтурога) встрѣчается въ болгарскихъ величальныхъ пѣсняхъ (ib. 329—335). Такъ какъ мотивъ этотъ въ южнорусскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ входитъ въ описаніе охоты, можно думать, что пріуроченіе его къ ворону въ былинахъ произошло случайно, но переносу изъ другихъ древнихъ вариантовъ пѣсенъ.

Заслуживаютъ вниманія пѣсенные мотивы о воронѣ-вѣстникѣ и тѣсно съ нимъ связанные мотивы о воронѣ-святѣ.

Воронъ-сватъ и воронъ-женихъ встрѣчаются въ монгольскихъ сказкахъ. Въ одной сказкѣ воронъ, сидя на золотомъ тополѣ, говоритъ воронѣ, какъ счастливъ будетъ N, когда увезетъ красавицу Шюриндивъ. Какъ же ее увезти? спрашиваетъ ворона. Воронъ объясняетъ, что богатырь долженъ при этомъ сдѣлать. Богатырь подслушалъ этотъ разговоръ и воспользовался имъ (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 542).

Въ одной сказкѣ, записанной въ Θεодосіи отъ крымскаго татарина, черный воропъ женится на царской дочери, съ согласія ея младшаго брата. Когда послѣднему понадобилось отыскать дочь солнца, черный воронъ созвалъ всѣхъ своихъ подвластныхъ птицъ, и одна изъ нихъ помогла царевичу отыскать дочь солнца. Черный воронъ является въ сказкѣ такимъ большаимъ, что, когда онъ летаетъ, бываетъ затменіе и чуть не землетрясеніе (ib. 725).

Въ датской пѣснѣ воронъ переноситъ невѣсту изъ заточенія черезъ море къ жениху. Въ нѣмецкой поэмѣ „Житіе св. Ос-

вальда⁴ (одного изъ англо-саксонскихъ королей VII в.), известной въ спискахъ XV в., но относимой Уландомъ къ XII, главную роль играютъ приключенія ворона-свата, очень усложненные личнымъ вымысломъ. Въ этой поэмѣ Освальдъ посылаетъ ворона съ письмомъ и кольцомъ за море къ дочери невѣрнаго царя, которая черезъ того же посла пересылаетъ Освальду кольцо и письмо съ приглашеніемъ пріѣхать за нею тогда-то. Въ это приключеніе вставлено между прочимъ то, что воронъ, уставши среди моря, садится на камень, печально кричитъ, ловитъ рыбу и пр. (*Потсбня*, Объяс. малор. и сред. пѣс. II, 281 — 282). Въ малорусской свадебной пѣснѣ поется:

Полетите, галочки,
До моеи матеньки,
Занесите висточку,

Що везу я неvistоньку... (*Чубин.* IV, 425).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ вмѣсто ворона вѣстникомъ иногда является кукушка, чаще соколъ (*Янчукъ*, Корниц. свад. 84). По мнѣнію г. Янчука, кукушка, соколъ, воронъ, какъ вѣстники, являются иногда вмѣсто вѣтра (*ib.* 84), что обусловлено силой и быстротой полета ворона и сокола. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воронъ, можетъ быть, является замѣной сокола; но считать его вполнѣ литературной, такъ сказать, замѣной сокола невозможно, въ силу во первыхъ, особенной близости ворона къ вѣтру и бурѣ, съ которой связаны понятія быстроты и стремительности, во вторыхъ, широкаго распространенія повѣрій о воронѣ, какъ вѣстникѣ и сватѣ и, въ третьихъ, въ силу древности этихъ повѣрій. Уже въ Эддѣ вѣстниками Одина являются два ворона. Съ утра до полудня они облетали весь міръ и въ полдень возвращались къ Одину, садились на его плечи и повѣдали ему на ухо вѣсти. Вороны эти назывались Huginn (hugr—animus, cogitatio) и Muninn (munr—mens).

Характерной особенностью древняго міросозерцанія было распределение всѣхъ предметовъ видимаго міра на дуалистическомъ началѣ пріуроченія къ богу добра или богу зла.

Не избѣгъ такого приуроченія и воронъ. Въ однихъ странахъ онъ получилъ священное значеніе, въ другихъ—демонское. У народовъ христіанскаго вѣроисповѣданія возобладало послѣднее значеніе ворона.

Уваженіе къ ворону, какъ птицѣ вѣщей и священной, встрѣчается во многихъ странахъ. На Сандвичевыхъ островахъ воронъ считается священной итицей (*Леббокъ*, Нач. цивил. 199). Арабы почитаютъ ворона, какъ божественную птицу, и считаютъ его бессмертнымъ. „Когда я однажды, говоритъ д-ръ Лабуисе, хотѣлъ убить ворона, то находившійся вблизи арабъ удерживалъ меня, увѣряя, что это святая птица и что убить ее нельзя“ (*Бремъ III*, 365).

Повѣріе въ бессмертіе ворона распространено также среди монголовъ. Воронъ пьетъ воду Мынхенъ-хара-угунъ (вѣчную черную воду). Къ источнику этой воды, онъ прилетаетъ рано утромъ (*Потанинъ*, Очерки, IV, 211).

Совсѣмъ иначе смотрятъ на ворона въ Россіи, Австріи, Германіи. Въ Галиціи и въ Малороссіи крестьяне думаютъ, что чортъ летаетъ по дворамъ въ видѣ ворона поджигаетъ крыши, наноситъ людямъ вредъ (*Лепкій*, въ „Зорѣ“ 1885, № 11). Въ Великороссіи говорятъ, что во время кончины колдуна или вѣдьмы демоны слетаются въ видѣ воронъ, садятся на крышу дома, проникаютъ въ трубу и съ страшнымъ карканьемъ, шумно взмахивая крыльями, уносятъ душу на тотъ свѣтъ (*Аванас.*, Поэт. возр. III, 482). Совершенно согласно съ представленіями украинскаго народа Гулакъ-Артемовскій описываетъ въ своей балладѣ „Твердовській“ (по Мицкевичу) появленіе бѣсовской силы:

Хмара якъ ничъ налетѣла,
И сонце сховалось;
Галокъ, крюквивъ, воронъ сыла
На стриси зибралось!
Крюкають, кавчать, мекечуть
Всими голосами;
То завьють, то шепечуть,
Бражчать ланцюгами (цѣвнями)!

Это черти явились требовать у чародѣя Твардовскаго его душу, которую онъ при жизни запродавъ дьяволу. Въ Угорской Руси существуетъ повѣрье, что демоны въ видѣ вороновъ вмѣшиваются въ людскія дѣла (*Де-Волланъ*, Угросус. пѣс. 11).

Въ Германіи изстари существуетъ представленіе демона въ видѣ ворона. Нѣмецкій лѣтописецъ Ламбертъ (ум. около 1100 г.) сообщаетъ, что одинъ богомолецъ видѣлъ во снѣ страшнаго ворона, который, каркалъ, леталъ вокругъ Кельна; его гвалъ блестящій рыцарь. По объясненію пилигрима, воронъ—дьяволъ, а рырарь—св. Георгій (*De-Gubernat.*, 534). По современнымъ нѣмецкимъ народнымъ повѣрьямъ, если воронъ кричитъ надъ домомъ, гдѣ лежитъ покойникъ, то значить—душа его пойдетъ въ адъ (ib. 534).

Въ монгольскихъ сказкахъ воронъ сближенъ съ демономъ. Въ сказкѣ Тунгъ Каратты Ханъ *) богатырь мальчикъ встрѣтилъ ворона съ сажѣннымъ носомъ и терехсаженными крыльями, подстрѣлилъ его и обломалъ ему носъ и крылья до настоящей величины. „Будь же ты такой на-вѣки!“ сказалъ онъ и отпустилъ ворона (*Потин.*, Очерки, IV, 376). Этотъ длинный носъ первобытнаго ворона соотвѣтствуетъ длинному носу чертей шалмусовъ и мангысовъ (срав. ib. 399).

*) Тунгъ Каратты Ханъ—монгольскій Егорій Храбрый, укротитель зѣбрей.